

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАСПОР

КЫРГЫЗСКАЯ КИБЕРДИАСПОРА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ВЗГЛЯД МИГРАНТОВ

А.А. Авдашкин

Андрей Александрович Авдашкин | <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755> | adrianmariska@mail.ru | к. и. н., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории миграционных исследований | Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (пр. Ленина 76, Челябинск, 454080, Россия)

Ключевые слова

цифровая диаспора, миграция, киберэтнография, кыргызы, мессенджеры, социальные сети

Аннотация

Статья посвящена роли интерактивных коммуникаций в повседневной жизни кыргызских мигрантов и соотношению между онлайн- и офлайн-сообществами. Источниковую базу составили 44 глубинных интервью с кыргызскими мигрантами, опрошенными автором лично в Челябинске и Екатеринбурге или в дистанционной форме. С помощью WhatsApp задействованы информанты из Москвы, Красноярска и Ошской области (Киргизская Республика). В выборку вошли 30 мужчин и 14 женщин, возраст информантов составил 18-47 лет. Применение транснационализма в качестве теоретической оптики и киберэтнографии как основного методического приема позволяет не только фиксировать действия информантов в социальных сетях и мессенджерах, но и получить картину “изнутри”, услышать голос и интерпретации интервьюируемых относительно своей (не)включенности в кыргызскую кибердиаспору. Несмотря на определенные ограничения выборки и методов, проведенное исследование вносит вклад в дискуссии о среднеазиатской миграции и применении мигрантами интерактивных технологий.

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [номер госрегистрации № АААА-А20-120072890030-2] (проект № FENU-2020-0021)

В 2012 г. в квартире напротив жилья автора статьи поселилась группа мигрантов из Кыргызстана. Наше знакомство началось с просьбы помочь настроить ноутбук, “чтобы в Skype созваниваться с домом”. Потом мы обменялись телефонами, иногда виделись и созванивались. Однажды весной 2020 г. один из них вышел на связь с сообщением: “Брат, переведи, пожалуйста, на хлеб, без работы остались, денег нет”. Так и началось это исследование.

Статья поступила 31.01.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 03.06.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Авдашкин А.А. Кыргызская кибердиаспора: постановка проблемы и взгляд мигрантов // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 114–130. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050062> EDN: IAGIIZ

Avdashkin, A. A. 2022. Kyrgyzskaia kiberdiaspora: postanovka problemy i vzgliad migrantov [Kyrgyz Cyber Diaspora: Posing the Issue and the Views of Migrants]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 114–130. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050062> EDN: IAGIIZ

* * *

Развитие интернета, создание многочисленных приложений, социальных сетей для ускорения коммуникаций и более вариативной самопрезентации субъекта способствовали появлению динамичной среды “этнического” интернета. Она позволяет представителям мигрантских групп, разделенных расстоянием, осуществлять общение, видоизменять отношения с родиной, конструировать образ группы, предоставляя ее членам и принимающей стороне новые нарративы (Weir 2019; Chen et al. 2021). Все более пристальное внимание исследователей привлекают цифровые диаспоры (см.: Dekker, Engbersen 2014; Leurs, Ponzanesi 2018; Nedelcu, Soysüren 2022; Ponzanesi 2020; Белоруссова 2021а). Интерес ученых фокусируется на политическом активизме в сети (Kissau 2012) и презентации религиозных убеждений (Harris, Isa 2018), организации различных профессиональных онлайн-групп мигрантов, их самоидентификации и взаимодействию с принимающим обществом (Golan, Babis 2019а, 2019b; Nancheva 2022).

Признавая значительную роль интернета в повседневной жизни мигрантов, мы не обладаем четким представлением о том, как они сами воспринимают цифровые диаспоры, в каких ситуациях ощущают себя ее частью, каковы механизмы конструирования онлайн-сообществ, где находятся точки пересечения или разграничения офлайн/онлайн групп и т.д. Пока мы видим единичные исследования, посвященные среднеазиатским цифровым диаспорам (Кужелева-Саган 2016, 2017), влиянию коммуникационных технологий на развитие транснациональных сообществ мигрантов из Средней Азии (Касьмова 2021; Уринбоев 2021; Ruget, Usmanalieva 2019). В статье рассматриваются следующие вопросы: какова роль интерактивных коммуникаций в повседневной жизни различных групп кыргызских мигрантов (“северяне”/“южане”, мужчины/женщины и др.), где пролегают границы между онлайн- и офлайн-сообществами, насколько целостна цифровая диаспора кыргызстанцев.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС ощутимо улучшило социальное положение граждан этой страны в России, они в меньшей степени подвергаются ксенофобии, чем выходцы из Таджикистана или Узбекистана (Габдрахманова и др. 2020; Gerber, Zavidisa 2020). В условиях пандемии COVID-19 вокруг мигрантов возник негативный информационный фон, связанный с тиражированием мифа об их возможности организовать с помощью чатов WhatsApp силовые акции (МВД о драке 2020; Шапанов 2021; Кыргызские девушки 2021). Медиаобраз мигрантов помещался в контекст угрозы, лишая их права голоса в публичном пространстве (Ruget, Usmanalieva 2022). Однако широкий арсенал средств цифровых диаспор может помочь в доступе к важной информации, укрепить солидарность в мигрантской среде и отношения с другими кыргызами, находящимися как в трудовой миграции, так и на родине (Ruget, Usmanalieva 2019).

Материалы и методы исследования. В 2020–2022 гг. автором были собраны глубинные полуструктурированные интервью с кыргызскими мигрантами (средняя продолжительность интервью – один час). В исследовании задействовано 44 информанта, подобранных методом снежного кома, реальные имена интервьюируемых изменены по договоренности с ними. Часть контактов найдена с помощью кыргызских семей, живущих в Челябинске и Екатеринбурге, часть получена через группы в Facebook* “Мы мигранты” и “Кыргызстанцы за рубежом”. Две трети информантов (23 человека) опрошены дистанционно в режиме видеозвонков и обмена текстовыми сообщениями (обычно с помощью WhatsApp). Географически информанты распределены так: Ошская область (8 человек), Красноярск (5 человек), Москва (17 человек). Лично интервью взяты только в

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Челябинске (8 человек) и Екатеринбурге (6 человек). Интервьюирование мигрантов – как находившихся в Кыргызстане, так и работающих в российских городах, – обеспечивает охват основных районов проживания кыргызстанцев¹. В выборку вошли 30 мужчин и 14 женщин, возраст информантов составил 18–47 лет².

Применение транснационализма в качестве теоретической оптики позволяет рассмотреть одновременное пребывание информантов “там” и “здесь”. Уезжая в Россию или Казахстан и (или) возвращаясь домой, они сохраняют тесные связи с двумя этими локальностями посредством сети Интернет, т.е. создается эффект присутствия даже на расстоянии. Так порождается раздвоенное пребывание между “здесь” и “там”, “своими” и “чужими”, “традицией” и “модерном”, “мегаполисом” и “селом”. Так, приспособляясь к дальним расстояниям и средствам коммуникации, движению “туда” и “обратно”, изменению ролей и статусов, практики и идентичности приобретают транснациональный характер. Тем самым внимание фокусируется на состоянии актора до и после его путешествия (Абашинов 2012: 11; Капустина, Борисова 2021: 19–25).

Методически исследование выполнено в русле киберэтнографии, позволяющей увидеть образ жизни кыргызских мигрантов во взаимосвязи между онлайн- и офлайн-пространствами, а также, концентрируясь на “потоках и связях”, понять формирование отношений и границ между реальным и виртуальным. В центре внимания оказывалось не “место”, а определенный набор тематических сюжетов о применении интернета, социальных сетей и мессенджеров (Белорусова 2021б: 133). Качественный контент-анализ пабликов, новостных порталов и собранных в поле нарративов, неоднократные беседы и интервью, включенное наблюдение позволили сопоставить полученные данные и интерпретации информантами своих действий в сети и вне ее (см.: Головнёв и др. 2018: 101).

Нас интересовало, как использовались социальные сети и мессенджеры до, во время и после миграции, насколько часто изучались подборки новостей о жизни в Кыргызстане, в родном городе, районе или селе; как эти инструменты позволяли поддерживать связь с оставшимися “дома”, общаться с другими кыргызцами, переводить денежные средства, просматривались ли сайты диаспоры и (или) новостные ресурсы. В частности, мы просили информантов рассказать, используют ли они социальные сети, сайты и цифровые платформы для изучения российского миграционного законодательства, поддержания связи с организациями кыргызской диаспоры, помощи друг другу.

Результаты и обсуждение. По оценкам посла Кыргызстана, на территории России перед началом пандемии COVID-19 находилось свыше 1 млн. кыргызстанцев, в 2020–2021 гг. их численность оценивалась в 700–750 тыс. Из них около половины находилось в Москве и Московской области (Посол назвала 2021). В столице, ряде регионов Урала и Сибири сложилась разветвленная система социальной поддержки и контроля, служащая для удовлетворения различных потребностей кыргызских мигрантов (см.: Пешикова 2015; Джанызакова 2019; Demintseva 2020a, 2020b). Вслед за активным формированием кыргызских сообществ в офлайн-пространстве складываются их онлайн-“двойники”.

В Средней Азии есть свои особенности использования интерактивной среды, актуальные и для мигрантов, приезжающих в Россию. В Кыргызстане WhatsApp является наиболее популярным мессенджером, им пользуется порядка 85% кыргызстанцев. В Узбекистане в основном пользователи общаются с помощью Telegram, в Туркменистане – Line и Imo, в Таджикистане – Viber (Цифровая Центральная Азия 2018; Какие мессенджеры 2019). Большинство наших информантов применяют WhatsApp как основное средство связи. Кыргызские мигранты используют эту цифровую платформу для общения между собой и с теми, кто остался на родине³ (Жеенбаева 2016: 42). Также выходца-

ми из Кыргызстана созданы веб-сайты, социальные сети и группы поиска для сдачи жилья, рекламы вакансий, услуг и товаров для продажи. Это платформы *jerdesh.ru*, *birge.ru*, *jardam.ru* или *mekendesh.ru*.

Еще в 2016 г. кыргызские мигранты применяли различные платформы в социальных сетях – например в “Одноклассниках”, где среди наиболее активных групп выделялись “Кыргызы в Москве”, “Кыргызы в Екатеринбурге” и “Кыргызы в Новосибирске”. В данных сообществах участники уделяли основное внимание вопросам трудоустройства, поиску и сдаче жилья, различным правовым аспектам (*Кужелева-Саган* 2016: 95). Численность посетителей “Одноклассников” в разбивке по странам Средней Азии (по состоянию на апрель 2018 г.): Казахстан – 1 млн 372 тыс., Кыргызстан – 726 тыс., Узбекистан – 707 тыс., Таджикистан – 289 тыс., Туркменистан – 27 тыс. (Цифровая Центральная Азия 2018). Плюсы “Одноклассников”, по мнению информантов, состоят в том, что данный сайт появился раньше всех и не столь “политизирован”, как “ВКонтакте” или зарубежные социальные сети (также среди плюсов они называли наличие новостных пабликов, возможность идеологической и этнической самопрезентации с помощью аккаунтов, распространенность формата “ругань в комментах” и др.)

По сравнению с 2016 г. количество участников тематических пабликов в “Одноклассниках” заметно возросло. Однако большинство информантов отметило, что в последние годы основная онлайн-активность ушла в WhatsApp, Facebook* (тогда же, с января 2017 по январь 2018 г., произошло увеличение числа пользователей этой платформы в Кыргызстане на 117%; больше всего – на 187% – прирост ее аудитории произошел в Таджикистане [Там же 2018]) и в социальную сеть “ВКонтакте”⁴. Эти платформы позволяют кыргызским мигрантам поддерживать на оптимальном уровне связь между собой и родиной: “Здесь и дома почти все ими пользуются” (ПМА 1).

Роль интерактива в повседневной жизни. Информанты в значительной степени полагались на потенциал социальных сетей и мессенджеров – как до отъезда из Кыргызстана, так и после прибытия в Россию – для выполнения множества задач. Это поиск работы и жилья, билетов на самолет, консультации по правилам миграции, реклама услуг, заполнение административных форм, просмотр обучающих видеороликов, перевод документов, запись на прием к врачу и проверка миграционных карт, соотношение курсов валют, просмотр прогноза погоды. Как отметил один из наших информантов, “в Москве кыргызы почти все делают онлайн” (ПМА 2). В пабликах в социальных сетях, многочисленных тематических чатах в WhatsApp мигранты могут получить доступ к медицинской помощи, найти стоматолога или няню для детей и т.д.⁵ (ПМА 2; *Масалиева* 2019).

Собранный полевой материал не позволил автору в полной мере раскрыть влияние региональных различий в отправляющем обществе на интерактивные коммуникации мигрантов. Во многом это вызвано тем, что основу трудовой миграции образуют именно “южане” (*Jeenbaeva et al.* 2021: 28). Чаще всего выходцы из северных районов Кыргызстана, которые встречались автору в ходе реализации проекта, являлись “южанами”, перебравшимися на север примерно в начале 2000-х годов, а позднее – в Россию.

В повседневной жизни и в интерактивном пространстве “северяне” и “южане” стараются не пересекаться между собой, опасаясь возникновения конфликтной ситуации, спора и проч. Дистанцируясь друг от друга в реальной жизни, они, осознанно или нет, переносят эту практику в цифровое пространство. Заметность “южан” в интерактиве обусловлена не только их многочислен-

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

ностью, но и более высокими потребностями в сплочении и консолидации. По мнению “южан”, “северяне”, в особенности представители молодого поколения, сторонятся типичных мигрантских тем и сообществ в сети. Чаще всего в интернете они ищут каналы для того, чтобы уехать в Европу транзитом через Россию, стремятся завязать полезные контакты с кыргызами, перебравшимися в страны Европы, США, Южную Корею и т.д. Жизненный путь трудового мигранта не всегда соотносится с его амбициями. Вот характерный отрывок из беседы с одной из информанток по имени Бактыгуль: “Потребности разные. Я, например, в группе одной подработку искала, а передо мной был пост девушки, приехавшей из Бишкека в Москву, про магистратуру в Европе. Где лучше, как и что. Видите разницу между нами?” (ПМА 2). Информанты приводили свое “видение географии” контактов кыргызов из разных частей страны – например, на основе постов о передаче посылок в группах и чатах. Так, из Бишкека их чаще всего передавали в США, Барселону и т.д., тогда как маршруты в Ош шли обычно из городов России (Москва, Красноярск, Екатеринбург и т.д.).

Получившие российское гражданство и долго живущие в России информанты редко испытывают потребность в земляческих сетях поддержки, их интерес к событиям на родине и в кыргызской диаспоре минимален. Они также не проявляют интереса к виртуальному конструированию родины или связи с ней, поскольку она ассоциируется с “безработицей, нуждой и бесправием”. Однако и полного отказа от нее мы не проследили. Присутствует идея о возможности возвращения на родину, когда там все наладится. С этой целью сохраняются элементарные связи с родственниками и соседями, некоторым количеством земляков (чтобы быть в курсе ситуации, но не погружаться в нее) (ПМА 2). Иными словами, чем дольше информанты живут в России, тем меньше у них потребность в поддержании прочных онлайн-связей с кыргызами, живущими в этой стране. Как отметила одна из информанток, «кыргызский сегмент интернета (так информант обозначила паблики, сайты и чаты, созданные кыргызами. – А.А.) мне не интересен, там все одно и тоже, про плохое. Я лучше в “Сетевой город” зайду или в группы школы, где моя дочь учится. Одна из лучших в классе. Пишет заметки для школьной газеты» (Там же).

Выявлено гендерное различие в создании и развитии интерактивных коммуникаций. Молодые люди и мужчины, помимо функциональной необходимости (поиск работы, жилья и т.д.), опираются на эти контакты и в повседневной жизни. Для них оказалось важно “быть кыргызом” в реальной и виртуальной среде, по возможности подчеркнуть это перед другими кыргызами, представителями остальных мигрантских групп и принимающей стороны. Недостаток реальной социальной сплоченности компенсируется интенсификацией связей с земляками онлайн. Для девушек и женщин, напротив, события в реальной или виртуальной кыргызской среде малоинтересны. Наша информантка Жанара отметила: “...мне уже хватает того, что я сама кыргызка. Зачем мне еще в сети что-то, связанное с кыргызами и Кыргызстаном? С родителями связь поддерживаю, ну и все” (Там же).

Кроме того, кыргызская идентичность у информанток часто ассоциируется с определенным давлением со стороны мужчин (“должна так себя вести, так общаться”), бедностью и социальной замкнутостью, порождаемых статусом мигрантов. Декларируя лояльность своей региональной группе и поддерживая с ней минимальную связь, они стремятся с помощью интернета максимально разнообразить круг своего общения. Эту двойственность описала Элина: “У меня есть чат, где сидят кыргызы из моего села, из Ошской области, живущие на Урале и в Челябинске, но я много знакомых и подруг нахожу другими путями” (ПМА 1). Для опрошенных нами кыргызок интернет предоставляет

пространство свободы общения, выбора образа жизни и получения информации. В ходе одного из интервью Элина получала множество уведомлений в одном из приложений. На вопрос автора, откуда они приходят, она нехотя и со стеснением все же призналась, что это бот для знакомств “Леонардо Дайвинчик” в Telegram: “Я не хочу общаться с земляками, мне они не интересны. Многие сайты и приложения требуют верификацию, проверку фото, а этот бот для знакомства дает возможность анонимно знакомиться без опасений, что прослышу легкодоступной” (Там же).

Собранные интервью показали, что кыргызские мигранты использовали потенциал социальных сетей и мессенджеров для общения друг с другом и с членами семьи, для получения и обмена информацией. Значительная часть этого контента направлена на удовлетворение эмоциональных потребностей (Hillis et al. 2015). Учитывая масштабы трудовой миграции, большая часть обязанностей по воспитанию детей часто ложится на плечи старших братьев, сестер или других старших родственников (Critelli et al. 2021; Масалиева 2020). Оценки числа живущих в Кыргызстане детей, родители которых продолжительное время находятся на заработках, существенно различаются. Кыргызстанские власти утверждают, что в стране насчитывается около 72 тыс. таких детей. ЮНИСЕФ же приводит другие данные: 199 тыс. детей с обоими родителями, работающими за границей, и 299 тыс. – с одним (Рыскулова 2019).

Наиболее сложная часть интервью с информантами (как с мужчинами, так и с женщинами) посвящена их отношениям с детьми на расстоянии. Это формирует ряд особых посреднических транснациональных воспитательных практик, значительную роль в которых выполняют современные средства связи. Благодаря их широкому применению дети, независимо от того, мигрируют они или нет, выполняют роль связующего звена между людьми, местами, языками и идентичностями (Пешкова 2021: 469). В одном из исследований О. Бредниковой повествование начинается с того, что ее информантка показывает фото племянников, но фотографии детей удалены, так как “на них очень больно смотреть и она по ним очень скучает” (Бредникова, Сабирова 2015: 127). В ходе интервью, взятых в Челябинске и Екатеринбургe, происходили схожие ситуации, но некоторые все же показывали фотографии своих детей, сделанные во время последних поездок домой. Приведем слова одного из информантов: «У меня есть чат “Семья”, там дочери присылают мне фотографии, пишут, как у них дела, спрашивают, как мои. Когда я свободен, открываю их, отвечаю. Созваниваемся, особенно когда есть возможность найти свободный доступ в Wi-Fi, чтобы видеозвонок не зависал» (ПМА 1).

Закрытость и открытость интерактивных коммуникаций: от “Одноклассников” к WhatsApp и Facebook*. Несмотря на то, что раньше интернет ассоциировался с пространством свободы и всеобщего доступа, в настоящее время в нем начинают преобладать закрытые группы (Белоруссова 2021б: 133). Сообщества в социальных сетях представляют сложный объект анализа, и их связи с офлайн-пространством далеко не всегда однозначны, поскольку присутствует возможность свободного участия, сохранения анонимности и т.д. (Mrofu et al. 2022).

Это отчетливо показал собранный полевой материал. Так, во многие беседы и чаты, в которых общаются информанты, принимают далеко не для всех. Допуск в большинство чатов и групп в WhatsApp происходит посредством личных знакомств, его получают не все пользователи, как это обычно происходит в социальных сетях, а только “свои” (родственники, земляки, коллеги и т.д.),

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

обладающие определенным социальным капиталом офлайн (*Габдрахманова и др.* 2020: 61). Большая часть коммуникаций в мессенджерах скрыта от внешнего наблюдателя, и эта тенденция только нарастает. Многие онлайн-сообщества изначально формируются именно офлайн, ускоряя и структурируя уже существующие контакты и отношения, но не создавая новые.

Среди кыргызских групп в социальной сети “ВКонтакте” закрытых практически не встречалось – в отличие от таджикских, среди которых по данным на 2016 г. таковыми являлись порядка 40% (*Кужелева-Саган* 2016: 55). Скрыты участники только одной кыргызской группы – “Кыргызы в Москве. Кыргызстан/Помощь нашим”. Как отметили информанты, кыргызы реже сталкиваются с “хейтерами в жизни и в сети” (в отличие от таджиков или узбеков), поэтому их сообщества в социальных сетях практически все открытые. Кроме того, активность в этой социальной сети практически нулевая, а большинство потребностей удовлетворяется через специализированные сайты для кыргызстанцев или чаты в WhatsApp, реже – в зарубежных социальных сетях. Так, одна из наиболее посещаемых когда-то групп – “Кыргызский портал Боорсок.РУ” (*Кужелева-Саган* 2016: 96) – утратила активность в 2018–2019 гг. Иногда в ней обновляются лишь обсуждения, посвященные поиску работы и/или жилья. Во время интервью автор вместе с информантом по имени Азамат бегло изучил содержание нескольких кыргызских пабликов в социальной сети “ВКонтакте” (январь-май 2022 г.): «Вот смотри, на стене сомнительные предложения работать на бирже криптовалюты, реклама сайтов проституток. Комментарии излишни об активности таких групп. В “ВКонтакте” может сидеть кто угодно, мы же не можем точно утверждать, кто этот человек, который скрывается за аватаром» (ПМА 2).

Повествования информантов показывали кыргызскую кибердиаспору не как единое и целостное образование, а скорее как разрозненные и практически автономные друг от друга группы. Это объясняется отсутствием внутренней самоорганизации среди кыргызов, четкостью дифференциации на региональные и локальные сообщества, в рамках которых происходят основные реальные и интерактивные коммуникации. Судя по всему, отсутствие согласованной общекыргызской идентичности транслируется и в онлайн-пространство. На этом фоне опрошенными положительно оцениваются примеры реального и виртуального сплочения кавказцев, выходцев из Таджикистана или Узбекистана. В качестве яркого примера можно привести слова одного из информантов: “Чеченцы, армяне, азербайджанцы... да даже *таджики* (информант сделал акцент на этом слове. – *А.А.*) дружнее, чем кыргызы. Понятно, что если нужна помощь кому-то из нас – помогут, но не во всех случаях. У них это все намного лучше развито, по моему опыту. Я говорю про сбор средств нуждающимся, силовую поддержку и другие ситуации” (Там же).

Контакты с другими мигрантами, в том числе с кыргызами, которые находятся вне постоянного круга общения, как выяснилось, носят редкий характер. Обычно взаимодействие ограничивается решением бытовых вопросов (это может быть поиск земляка, с которым можно передать посылку, – например, посредством чата “Кто едет в ближайшие дни в Ош” – и проч.) и помощью в урегулировании разного рода жизненных трудностей. Редкие исключения составляют мигрантские или религиозные паблики, куда кыргызы могут относительно свободно вступать и где могут поддерживать диалоги с представителями других этнических групп онлайн. Эти контексты – мигрант как представитель уязвимого меньшинства и (или) мусульманин – словно стирают на короткое время различия между кыргызами и некыргызами, кыргызами-“северянами” и “южанами” (Там же).

В условиях крупномасштабного локдауна, вызванного пандемией COVID-19 весной 2020 г., мигрантские сообщества консолидировались, нашли возможности для перераспределения даже ограниченных ресурсов. Не последнюю роль в этом играла активная коммуникация посредством чатов в WhatsApp и др. (Рочева и др. 2020). С их помощью бизнесмены информировали соотечественников (равно как и мигрантов других национальностей) о своей возможности оказать им помощь хотя бы едой (ПМА 1). Однако не во всех регионах была налажена коммуникация между кыргызскими мигрантами и лидерами общественных организаций. Тиражирование в социальных сетях и мессенджерах всевозможных слухов о возможности покинуть территорию России привели к тому, что многие мигранты при попытке выехать оказались надолго заперты на российско-казахстанской границе в импровизированных палаточных лагерях (Короткова 2020; Murzakulova et al. 2021; Golunov, Smirnova 2022).

Тотальное недоверие к кыргызстанским государственным институтам приводит к тому, что информанты, подавляющее большинство их родственников и знакомых предпочитают опираться на неформальные сети поддержки и получения сведений (ПМА 2; см.: Ruget, Usmanalieva 2019). Это подтверждает выводы о низком уровне политической транснациональной активности кыргызских мигрантов (см.: Ruget, Usmanalieva 2011). Большинство опрошенных скептически отнеслось к мысли о существовании кыргызской диаспоры в реальном или цифровом пространстве. Иными словами, они считают, что кыргызской диаспоры не существует как таковой. За каждым ее сегментом, по мнению информантов, стоят те или иные группы или агенты влияния (“...государство, чиновники, представители кыргызских общественных организаций и т.д. Мы от них изолированы в жизни и виртуале”, – так прокомментировал ситуацию один из опрошенных [ПМА 2]). Есть лишь общий набор тем и контекстов, в которых проявляется солидарность кыргызстанцев. Оставляя за скобками эти случаи, в сети взаимодействуют между собой лишь небольшие земляческие или профессиональные группы.

* * *

Концепция цифровой диаспоры, широко распространившаяся в научной литературе, была призвана показать, как культура, идентичность и социальные практики группы мигрантов могут (вос)производиться онлайн, усиливаясь виртуальным обменом и приобретая транснациональный характер (Diminescu 2012). Подобный фокус на онлайн-взаимодействии становится новым способом исследовать диаспору как “категорию практики” (Brubaker 2005), где кыргызы активно участвуют в различных формах цифровых коммуникаций для реализации своей идентичности. Однако рассмотренный случай пока говорит скорее в пользу отсутствия или незавершенности становления кыргызской диаспоры онлайн. Среди ее потенциальных представителей ярко выражена дифференциация по региональному признаку, и это препятствует сплочению, общению и взаимодействию в реальной жизни и в сети. Кроме того, Кыргызстан как отправляющее государство заинтересован в миграции для поддержания экономики и уровня потребления, снижения социальной напряженности, но не заинтересован в самоорганизации кыргызов, в том числе виртуальной. Это может быть чревато политизацией цифровой диаспоры, более слаженной артикуляцией оппозиционных настроений на родине и за границей. К тому же транснациональная идентичность кыргызских мигрантов в России противоречива. Будучи четко разделены, прежде всего на региональные и земляческие группы, выходцы из Кыргызстана ощущают свою непринадлежность как к отправляющему, так

и к принимающему сообществу (см.: *Насритдинов, Рахимов* 2021: 202–231). В итоге в сети мы фиксируем лишь различные транснациональные сообщества кыргызских мигрантов, сложившиеся с помощью новых коммуникативных технологий. В их основе лежат уже существовавшие, а не вновь образованные в формате кыргызской цифровой диаспоры, социальные связи.

Благодарности

Автор благодарит всех информантов, без которых исследование не состоялось бы, а также анонимных рецензентов, рекомендации и советы которых позволили улучшить первоначальный текст рукописи.

Примечания

¹ По данным государственной службы миграции при Правительстве КР, в августе 2018 г. кыргызские мигранты распределялись по территории РФ следующим образом: Центральный федеральный округ (47% в Москве и Московской обл.), Приволжский и Уральский – по 14%, Северо-Западный – 7%, Сибирский – 12%, Дальневосточный – 3%, Южный – менее 1% (см.: *Габдрахманова и др.* 2020).

² Большая часть информантов работает в России не менее 5-10 лет. Лишь у нескольких этот срок составил меньше 2-3 лет. Большинство опрошенных имели опыт работы и проживания в Москве, а также в городах, где находились на момент интервью. Среди направлений внутрироссийских миграций фигурировали Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Тюмень, Новосибирск, Нижневартовск, Сургут, Хабаровск. В основном информанты были задействованы в строительстве и торговле, но были представлены и другие профессии, такие как работники общественного питания, уборщицы, швеи, сиделки, водители, охранники, а также одна официантка. При этом у 29 информантов есть дети, младшие братья и (или) сестры, оставшиеся на родине, что повышает их потребность в повседневном общении на расстоянии.

³ По данным за 2015 г. мигранты активно использовали электронные, ИКТ, социальные медиа и мобильные устройства для связи с родными в Кыргызстане. Skype применяли 17% респондентов, 15% – WhatsApp, 15% – Facebook*, 13,2% – мобильные звонки, 9% – электронную почту, 9% – Viber, 8% – “Одноклассники”, 4% – стационарный телефон.

⁴ Среди наиболее активных сообществ можно назвать группу в Facebook* “Кыргызстанцы за рубежом” (свыше 36 тыс. участников) и “Кыргызы в Москве. Кыргызстан/Помощь нашим” в социальной сети “ВКонтакте” – (vk.com/just_sss, более 15 тыс. подписчиков).

⁵ Информанты подтвердили, что в социальных сетях и в чатах довольно часто можно встретить объявление о поиске няни для детей дошкольного возраста.

Источники и материалы

Какие мессенджеры 2019 – Какие мессенджеры популярны в каждой стране Центральной Азии? // NEWS. 28.07.2019. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/213993413>

Короткова 2020 – *Короткова Е.* Как посольство Кыргызстана в РФ за время пандемии помогало соотечественникам // МК.RU. Киргизия. 11.08.2020.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

- <https://www.mk.kg/social/2020/08/11/kak-posolstvo-kyrgyzstana-v-rf-zavremya-pandemii-pomogalo-sootechestvennikam.html>
- Кыргызские девушки 2021 – Кыргызские девушки гуляли с таджиками. Названа еще одна причина массовой драки в Москве // Reporter.KG. 14.07.2021. <https://reporter.kg/ru/kyrgyzskie-devushki-gulyali-s-tadzhikami-nazvana-eshhe-odna-prichina-massovoj-draki-v-moskve>
- Масалиева 2020 – Масалиева Ж. Бабушки Баткена. Кто и как воспитывает детей трудовых мигрантов // 24KG. 23.12.2020. https://24.kg/obschestvo/177673_babushki_batkena_kto_ikak_vospityivaet_detey_trudovyih_migrantov
- Масалиева 2019 – Масалиева Ж. Как мигранты решают проблему детей на чужбине // 24KG. 13.07.2019. https://24.kg/obschestvo/123319_kak_migrantiy_reshayut_problemu_detey_nachujbie
- МВД о драке 2020 – МВД о драке таджиков и кыргызов в Екатеринбурге: конфликт случился из-за девушки // Barometer.kg. 22.07.2020. <https://www.barometr.kg/mvd-o-drake-tadzhikov-i-kyrgyzov-v-ekaterinburge-konflikt-sluchilsya-iz-za-devushki>
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Челябинск, Екатеринбург, апрель–октябрь 2020 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Москва, Красноярск; Ошская область (Киргизская Республика), октябрь 2020 – январь 2022 г.
- Посол назвала 2021 – Посол назвала число киргизских мигрантов в России // РИА Новости. 07.06.2021. <https://ria.ru/20210607/migranty-1735950028.html>
- Рыскулова 2019 – Рыскулова Н. Цена миграции. В Кыргызстане растет поколение детей без родителей // BBC News. Русская служба. 02.04.2019. <https://www.bbc.com/russian/features-47773112>
- Цифровая Центральная Азия 2018 – Цифровая Центральная Азия: социальные сети и мессенджеры // СААН. 17.04.2018. <https://www.caa-network.org/archives/12907>
- Шарапов 2021 – Шарапов В. Причиной массовой драки в Москве стал конфликт из-за девушек // Lenta.ru. 13.07.2021. <https://lenta.ru/news/2021/07/13/why>

Научная литература

- Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Белоруссова С.Ю. Кибердиаспора: аналитический обзор // Кунсткамера. 2021а. № 4 (14). С. 235–248. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-235-248](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4(14)-235-248)
- Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021б. № 3 (13). С. 123–145. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-123-145](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145)
- Бредникова О.Е., Сабирова Г.А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–152.
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П. Опыт изучения кыргызской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70. <https://doi.org/10.31857/S086954150010048-2>
- Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
- Джаньызакова С.Д. “Здесь и там” в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86. <https://doi.org/10.17223/2312461X/25/4>
- Жеенбаева Ж. Картирование диаспор кыргызстанцев и экспертного роста соотечественников за рубежом: аналитический отчет об исследовании.

МОФ “ИРО”; MOM, 2015 г. Бишкек, 2016. <https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/Diaspora%2520Mapping%25202015%2520Rus%2520%25283%2529.pdf>

- Капустина Е., Борисова Е.* Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
- Касымова С.* Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 482–515.
- Кужелева-Саган И.П.* (ред.) “Цифровые диаспоры” мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс “воображаемого сообщества” и конкуренция идентичностей. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2016.
- Кужелева-Саган И.П.* (ред.) Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2017.
- Насритдинов Э., Рахимов Р.* Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 202–232.
- Пешкова В.М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24 (2). С. 129–151.
- Пешкова В.М.* Транснациональное детство. Часть II: место и роль детей в миграции из Средней Азии в Россию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 450–473. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2065>
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С.* Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2020. № 6. С. 488–511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>
- Уринбоев Р.* Создание “узбекского махалля” посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 442–481.
- Brubaker R.* The “Diaspora” diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28 (1). P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>
- Chen Y., Tian H., Chang J.* Chinese First, Woman Second: Social Media and the Cultural Identity of Female Immigrants // *Asian Journal of Women’s Studies*. 2021. Vol. 27 (1). P. 22–45. <https://doi.org/10.1080/12259276.2021.1873575>
- Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J.* Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: A Qualitative Study // *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22 (3). P. 907–928. <https://doi.org/10.1007/s12134-020-00781-2>
- Dekker R., Engbersen G.* How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration // *Global Networks*. 2014. Vol. 14 (4). P. 401–418. <https://doi.org/10.1111/glob.12040>

- Demintseva E.* Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: “Kyrgyz Clubs” for Migrant Children in Moscow // *Central Asian Survey*. 2020a. Vol. 39 (2). P. 220–235. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1697643>
- Demintseva E.* “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries Around and Inside School Space // *Race Ethnicity and Education*. 2020b. Vol. 23 (4). P. 598–612. <https://doi.org/10.1080/13613324.2018.1538126>
- Diminescu D.* Introduction: Digital Methods for the Exploration, Analysis and Mapping of E-diasporas // *Social Science Information*. 2012. Vol 51 (4). P. 451–458. <https://doi.org/10.1177/0539018412456918>
- Golan O., Babis D.* Towards Professionalism through Social Networks: Constructing an Occupational Community via Facebook Usage by Temporary Migrant Workers from the Philippines // *Information, Communication & Society*. 2019a. Vol. 22 (9). P. 1230–1252. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1411520>
- Golan O., Babis D.* Digital Host National Identification among Filipino Temporary Migrant Workers // *Asian Journal of Communication*. 2019b. Vol. 29 (2). P. 164–180. <https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1541097>
- Gerber T.P., Zavisca J.* Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36 (1). P. 61–82. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1680040>
- Golunov S., Smirnova V.* Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications // *Problems of Post-Communism*. 2022. Vol. 69 (1). P. 71–82. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1920839>
- Harris R., Isa A.* Islam by Smartphone: Reading the Uyghur Islamic Revival on WeChat // *Central Asian Survey*. 2019. Vol 38 (1). P. 61–80. <https://doi.org/10.1080/02634937.2018.1492904>
- Hillis K., Paasonen S., Petit M.* *Networked Affect*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Jeenbaeva J.I. et al.* (eds.) *Mapping Report of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad*. Bishkek: International Organization for Migration (IOM), 2021. <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Report-Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-Abroad.pdf>
- Kissau K.* Structuring Migrants’ Political Activities on the Internet: A Two-Dimensional Approach // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38 (9). P. 1381–1403. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698207>
- Leurs K., Ponzanesi S.* Connected Migrants: Encapsulation and Cosmopolitanization // *Popular Communication*. 2018. Vol. 16 (1). P. 4–20. <https://doi.org/10.1080/15405702.2017.1418359>
- Mpofu P., Asak M.O., Salawu A.* Facebook Groups as Transnational Counter Public Sphere for Diasporic Communities // *Cogent Arts & Humanities*. 2022. Vol. 9 (1). <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2027598>
- Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N.* Examining Migration Governance: Evidence of Rising Insecurities Due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand // *Comparative Migration Studies*. 2021. <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00254-0>
- Nancheva N.* Cleaners and Labourers on Facebook? Bulgarians in the UK between Free Movers and a Digital Diaspora // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48 (13). P. 3221–3239. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1866515>
- Nedelcu M., Soysüren I.* Precarious Migrants, Migration Regimes and Digital Technologies: The Empowerment-Control Nexus // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48 (8). P. 1821–1837. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1796263>

- Ponzanesi S. Digital Diasporas: Postcoloniality // *Media and Affect, Interventions*. 2020. Vol. 22 (8). P. 977–993. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1718537>
- Ruget V., Usmanalieva B. Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*. 2011. Vol. 58 (6). P. 48–60. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216580604>
- Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38 (2). P. 165–180. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1594170>
- Ruget V., Usmanalieva B. Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic // *Problems of Post-Communism*. Vol. 69 (1). 2022. P. 48–57. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1940207>
- Weir E.T. Exploring the Digital Information Needs of Diaspora Communities: A User Study of the Lithuanian Diaspora // *Slavic & East European Information Resources*. 2019. Vol. 20 (1–2). P. 39–49. <https://doi.org/10.1080/15228886.2019.1628501>

Research Article

Avdashkin, A.A. Kyrgyz Cyber Diaspora: Posing the Issue and the Views of Migrants [Kyrgyzskaia kiberdiaspora: postanovka problemy i vzgliad migrantov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 114–130. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050062> EDN: IAGIIZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Andrey Avdashkin | <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755> | adrianmaricka@mail.ru | South Ural State University (National Research University) (76 Lenin prospekt, Chelyabinsk, 454080, Russia)

Keywords

Kyrgyz, digital diaspora, cyberethnography, migration, social networks, messengers

Abstract

The article discusses the part that interactive communications have come to play in the everyday life of Kyrgyz migrants as well as the relationships emerging between online and offline communities. The study was drawn on 44 in-depth interviews that I conducted among migrants in the cities of Cheliabinsk and Ekaterinburg either directly or remotely, and WhatsApp communications with respondents from the cities of Moscow and Krasnoyarsk in Russia and the Osh region in Kyrgyzstan (30 men and 14 women of various ages from 18 to 47). The methodological use of conceptual frameworks of transnationalism and cyberethnography was instrumental in analyzing the activities of migrants in social networks and messengers and helped understanding the situation from inside, trying to better grasp migrants' own perspectives on whether they think of themselves as of part of a cyber diaspora. Despite the limited scope of the study, it is meant to make a valuable contribution to the ongoing research on Central Asian migrants and their use of interactive technologies.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Education and Science of the Russian Federation [registration number AAAA-A20-120072890030-2] (project number FENU-2020-0021)

References

- Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Belorussova, S.I. 2021. Kiberdiасpora: analiticheskii obzor [Cyberdiaspora: An Analytical Review]. *Kunstkamera* 4: 235–248. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-235-248](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4(14)-235-248)
- Belorussova, S.I. 2021. Kiberetnografiia: metodologiia i tekhnologiia [Cyberethnography: Methodology and Technology]. *Etnografiia* 3: 123–145. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-123-145](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145)
- Brednikova, O.E., and G.A. Sabirova. 2015. Deti v migrantskikh sem'iakh: roditel'skie strategii v transnatsional'nykh kontekstakh [Children in Migrant Families: Parental Strategies in Transnational Contexts]. *Antropologicheskii forum* 26: 127–152.
- Brubaker, R. 2005. The “Diaspora” diaspora. *Ethnic and Racial Studies* 28 (1): 1–19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>
- Chen, Y., H. Tian, and J. Chang. 2021. Chinese First, Woman Second: Social Media and the Cultural Identity of Female Immigrants. *Asian Journal of Women's Studies* 27 (1): 22–45. <https://doi.org/10.1080/12259276.2021.1873575>
- Critelli, F.M., L.A. Lewis, A.C. Yalim, and J. Ibraeva. 2021. Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: A Qualitative Study. *Journal of International Migration and Integration* 22 (3): 907–928. <https://doi.org/10.1007/s12134-020-00781-2>
- Dekker, R., and G. Engbersen. 2014. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks* 14 (4): 401–418. <https://doi.org/10.1111/glob.12040>
- Demintseva, E. 2020. “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries Around and Inside School Space. *Race Ethnicity and Education* 23 (4): 598–612. <https://doi.org/10.1080/13613324.2018.1538126>
- Demintseva, E. 2020. Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: “Kyrgyz Clubs” for Migrant Children in Moscow. *Central Asian Survey* 39 (2): 220–235. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1697643>
- Diminescu, D. 2012. Introduction: Digital Methods for the Exploration, Analysis and Mapping of E-diasporas. *Social Science Information* 51 (4): 451–458. <https://doi.org/10.1177/0539018412456918>
- Dzhanyzakova, S.D. 2019. “Zdes' i tam” v migrantskikh istoriiakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomsk) [“Here and There” in the Migrant Stories of People from Kyrgyzstan in Russia (The Case of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 3: 72–86. <https://doi.org/10.17223/2312461X/25/4>
- Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and P. Fraier. 2020. Opyt izucheniia kyrgyzskoi migratsii v postsovetskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [The Experience of Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 54–70. <https://doi.org/10.31857/S086954150010048-2>
- Gerber, T.P., and J. Zavisca. 2020. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory. *Post-Soviet Affairs* 36 (1): 61–82. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1680040>
- Golan, O., and D. Babis. 2019. Digital Host National Identification among Filipino Temporary Migrant Workers. *Asian Journal of Communication* 29 (2): 164–180. <https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1541097>

- Golan, O., and D. Babis. 2019. Towards Professionalism through Social Networks: Constructing an Occupational Community via Facebook Usage by Temporary Migrant Workers from the Philippines. *Information, Communication & Society* 22 (9): 1230–1252. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1411520>
- Golovnev, A.V., S.I. Belorussova, and T.S. Kisser. 2018. Veb-etnografia i kiberetnichnost' [Web-Ethnography and Cyber-Ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 1 (58): 100–108. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
- Golunov, S., and V. Smirnova. 2022. Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications. *Problems of Post-Communism* 69 (1): 71–82. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1920839>
- Harris, R., and A. Isa. 2019. Islam by Smartphone: Reading the Uyghur Islamic Revival on WeChat. *Central Asian Survey* 38 (1): 61–80. <https://doi.org/10.1080/02634937.2018.1492904>
- Hillis, K., S.M. Paasonen, and M. Petit. 2015. *Networked Affect*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jeenbaeva, J. 2016. Kartirovanie diaspor kyrgyzstantsev i ekspertnogo rostera sootchestvennikov za rubezhom. *Analiticheskii otchet ob issledovanii. MOF "IRO"; MOM, 2015 g.* [Mapping of the Diaspora of the Kyrgyz Abroad and the Expert Rooster of Kyrgyzstan's Expats: Research and Analysis Report, 2015]. Bishkek. <https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/Diaspora%2520Mapping%25202015%2520Rus%2520%25283%2529.pdf>
- Jeenbaeva, J.I., et al., eds. 2021. *Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad*. Bishkek: International Organization for Migration (IOM). <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Report-Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-Abroad.pdf>
- Kapustina, E., and E. Borisova. 2021. Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [Review of the Theoretical Discussion on the Concept of Transnationalism]. In *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O.E. Brednikova and S.N. Abashin, 14–29. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kasymova, S. 2021. Transgranichnaia kommunikatsiia ili mobil'naia sviaz' v povsednevnoi zhizni semei tadzhikskikh trudovykh migrantov [Cross-Border Communication or Mobile Communication in the Everyday Life of Families of Tajik Labor Migrants]. In *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O.E. Brednikova and S.N. Abashin, 485–515. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kissau, K. 2012. Structuring Migrants' Political Activities on the Internet: A Two-Dimensional Approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 38 (9): 1381–1403. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698207>
- Kuzheleva-Sagan, I.P., ed. 2016. "Tsifrovye diaspori" migrantov iz Tsentral'noi Azii: virtual'naia setevaia organizatsiia, diskurs "voobrazaemogo soobshchestva" i konkurentsii identichnostei ["Digital Diasporas" of Migrants from Central Asia: Virtual Network Organization, the Discourse of the "Imagined Community" and the Competition of Identities]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kuzheleva-Sagan, I.P., ed. 2017. *Sotsial'naia set' kak prostranstvo diskursa identichnosti i kvaziinstitut etnichnosti tsentral'noaziatskikh migrantov* [Social Network as a Space of Identity Discourse and a Quasi-Institution of Ethnicity of Central Asian Migrants]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Leurs, K., and S. Ponzanesi. 2018. Connected Migrants: Encapsulation and Cosmopolitanization. *Popular Communication* 16 (1): 4–20. <https://doi.org/10.1080/15405702.2017.1418359>
- Mpofu, P., M.O. Asak, and A. Salawu. 2022. Facebook Groups as Transnational Counter Public Sphere for Diasporic Communities. *Cogent Arts & Humanities* 9 (1). <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2027598>
- Murzakulova, A., M. Dessalegn, and N. Phalkey. 2021. Examining Migration Governance: Evidence of Rising Insecurities Due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand. *Comparative Migration Studies*. <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00254-0>
- Nancheva, N. 2022. Cleaners and Labourers on Facebook? Bulgarians in the UK between Free Movers and a Digital Diaspora. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 48 (13): 3221–3239. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1866515>
- Nasritdinov, E., and R. Rakhimov. 2021. Transnatsional'naia identichnost' kyrgyzskikh trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia]. In *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O.E. Brednikova and S.N. Abashin, 202–232. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Nedelcu, M., and I. Soysüren. 2022. Precarious Migrants, Migration Regimes and Digital Technologies: The Empowerment-Control Nexus. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 48 (8): 1821–1837. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1796263>
- Peshkova, V.M. 2015. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Infrastructure of Labor Migrants in the Cities of Modern Russia (On the Example of Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii* 24 (2): 129–151.
- Peshkova, V.M. 2021. Transnatsional'noe detstvo. Chast' II: mesto i rol' detei v migratsii iz Srednei Azii v Rossiiu [Transnational Childhood, Part II: The Place and Role of Children in Migration from Central Asia to Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 5: 450–473. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2065>
- Ponzanesi, S. 2020. Digital Diasporas: Postcoloniality. *Media and Affect, Interventions* 22 (8): 977–993. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1718537>
- Rocheva, A.L., E.A. Varshaver, and N.S. Ivanova. 2020. Uiazvimye gruppy v chrezvychainykh situatsiakh: solidarnost' i doverie gosudarstvu kak osnova strategii migrantov v Rossii vo vremia pandemii COVID-19 [Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 488–511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>
- Ruget, V., and B. Usmanalieva. 2011. Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan. *Problems of Post-Communism* 58 (6): 48–60. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216580604>
- Ruget, V., and B. Usmanalieva. 2019. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia. *Central Asian Survey* 38 (2): 165–180. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1594170>
- Ruget, V., and B. Usmanalieva. 2022. Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Problems of Post-Communism* 69 (1): 48–57. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1940207>
- Urinboev, R. 2021. Sozdanie “uzbekskogo makhallia” posredstvom smartfonov i sotsial'nykh media: povsednevnaia transnatsional'naia zhizn' uzbekskikh migrantov v Rossii [Creating an “Uzbek mahalla” through Smartphones and

Social Media: Daily Transnational Life of Uzbek Migrants in Russia]. In *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O.E. Brednikova and S.N. Abashin, 442–481. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Weir, E.T. 2019. Exploring the Digital Information Needs of Diaspora Communities: A User Study of the Lithuanian Diaspora. *Slavic & East European Information Resources* 20 (1–2): 39–49. <https://doi.org/10.1080/15228886.2019.1628501>